

На правах рукописи

Гаврилов Кирилл Андреевич

**СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ОСНОВНЫХ ПОДХОДОВ К
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ВОСПРИЯТИЯ РИСКА**

Специальность **22.00.01** – Теория, методология и история социологии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата социологических наук

Москва - 2007

Диссертация выполнена в Институте социологии Российской академии наук

Научный руководитель: кандидат философских наук
Мозговая А.В.

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Яницкий О.Н.

кандидат социологических наук
Николаев В.Г.

Ведущая организация: Институт экономики РАН,
Центр анализа рисков и кризисов

Защита состоится “ 07 ” _____ ноября _____ 2007 г. в 14.00 часов
на заседании Диссертационного совета Д 002.011.01 в Институте социологии РАН по адресу:
117218, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института социологии РАН.

Автореферат разослан “ 05 ” _____ октября _____ 2007 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета,

кандидат социологических наук
И.О. Тюрина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Одной из тенденций развития мировой науки является возрастание интереса к фундаментальным и прикладным исследованиям различных аспектов риска. Показательно в этом плане появление отдельных исследовательских институтов¹, проведение специализированных конференций², а также выпуск соответствующих изданий³. Параллельно с ростом научного интереса усиливается и внимание к тематике риска со стороны общественности, а также специалистов в области управления⁴.

Если изначально научные исследования риска были сосредоточены, главным образом, в границах экономических и естественнонаучных дисциплин, то в настоящее время можно говорить о том, что анализ риска – это поле для междисциплинарных исследований – «рискологии»⁵, одним из направлений которой являются *социальные* исследования риска⁶. Более того, предлагается взгляд на «рискологию» как на «особую отрасль социального знания»⁷, включающую в себя целый ряд подходов к анализу риска. К зарубежной «рискологии» могут быть отнесены, к примеру, концепция общества риска У. Бека, социологическая теория риска Н. Лумана, культурологический подход М. Дуглас и А. Вилдавски; эмпирически ориентированные работы, написанные в рамках «психометрической парадигмы» П. Словика, Б. Фишхоффа и С.Лихтенштейн, или «концепция социального усиления риска» Р. Касперсона и его коллег⁸. В отечественной

¹ Например, «Институт риска и безопасности» (Москва) или «Международный институт исследования риска» (Москва).

² В качестве примера можно привести конференции «Общество риска и человек в XXI веке: альтернативы и сценарии развития» (Саратов, 2006), «Устойчивое развитие и безопасность социально-экономических систем в современной России» (Санкт-Петербург, 2005). На международном уровне можно, в частности, отметить недавно проведенную сессию «Риск и общества риска» в рамках Всемирного социологического конгресса (Дурбан, ЮАР, 2006).

³ В России это журнал «Вопросы анализа риска», который был позже переименован в «Вопросы анализа и управления риском». Если говорить о западных периодических изданиях, то помимо “Risk Analysis”, основанного в 1981 году, в последнее время издаются также “Journal of Risk Research”, “Risk Decision and Policy” и “Risk: Health, Safety and Environment”.

⁴ Анализ того, почему тематика риска и безопасности привлекает внимание как общественности, так и ученых, выходит за пределы нашего рассмотрения. См. в этой связи: *Lübbe H. Security. Risk Perception in the Civilization Process // Risk is a Construct. Perceptions of Risk Perception. München: Kuesbeck, 1993. P. 23-39.*

⁵ См.: *Яницкий О. Н. Социология и рискология // Россия: риски и опасности «переходного» общества. М.: Институт социологии РАН, 1998. С. 9-35.*

⁶ Краткий обзор того, как происходило «включение» социальных аспектов в сферу исследований риска, см. в: *Ренн О. Три десятилетия исследования риска: достижения и новые горизонты // Вопросы анализа риска. 1999. Т. 1. №1. С. 80-99.*

⁷ *Яницкий О. Н. Социология и рискология // Россия: риски и опасности «переходного» общества. М.: Институт социологии РАН, 1998. С. 9.*

⁸ См., соответственно: *Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000; Luhmann N. Risk: A Sociological Theory. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1993; Douglas M., Wildavsky A. Risk and Culture: An Essay on the Selection of Technological and Environmental Dangers. Berkeley and Los Angeles: Univ. of California Press, 1982; Slovic P. The Perception of Risk. London: Earthscan, 2000; Pidgeon N., Kasperson R., Slovic P. The Social Amplification of Risk, Cambridge University Press, Cambridge, 2003.*

социальной науке к полю «рискологии» относятся работы таких достаточно разных авторов как А. Быков, Ю. Воробьев, Т. Малинецкий, А. Мозговая, Б. Порфирьев, О. Яницкий и др.⁹

Для успешного научного направления, дисциплины необходима саморефлексия как на уровне методологии и теории, так и на уровне анализа эмпирических данных. В качестве примера подобной рефлексии могут быть рассмотрены попытки дать обзор «ключевых идей»¹⁰, а также структурировать поле существующих подходов к изучению риска, в частности, выделить в рамках «рискологии» особую дисциплину – «социологию риска»¹¹. Результаты этих исследований свидетельствуют о том, что «социология риска» как отраслевая социологическая дисциплина, будучи актуальной и востребованной, находится на стадии становления. Так, теоретические ресурсы этой дисциплины пока определены недостаточно четко, отсутствует ясное представление о том, какой вклад «социология риска» как часть социологии вносит и может внести в междисциплинарный проект по исследованию риска – «рискологию». Актуальной задачей представляется обоснование положения о том, что использование социологической аргументации расширяет возможности изучения риска и позволяет сделать акцент на специфических аспектах риска. Однако конкретизация этого тезиса требует дополнительной рефлексии по поводу того вклада, который *уже внесен* социологией в «рискологию», и оценки *потенциала* социологии в междисциплинарном рискологическом проекте. В диссертационном исследовании осуществлен один из этапов такой рефлексии – реконструкция вклада социологии в изучение *восприятия риска*.

Подчеркнем, что исследования восприятия риска могут быть рассмотрены в качестве отдельной рубрики рискологических исследований лишь аналитически: здесь нет абсолютных границ, зачастую рассуждения о риске имплицитно содержат положения, касающиеся особенностей, механизма и факторов восприятия риска, а интерпретация особенностей восприятия риска невозможна без обращения к социальной природе риска как таковой. Логика диссертационного исследования предусматривает обращение к социологическому анализу восприятия риска после предварительных рассуждений о социальной сущности риска на примере ряда исследовательских подходов. В конечном счете, изучение восприятия риска – это тот фрагмент «рискологии», на примере которого демонстрируется вклад социологии в эту исследовательскую область.

⁹ См.: *Быков А.А., Порфирьев Б.Н.* Об анализе риска, концепциях и классификации рисков // Проблемы анализа рисков. 2006. Т. 3. № 4. С. 319-338; *Воробьев Ю.Л., Малинецкий Т.Г.* Философия риска // *Катастрофы и общество*. М.: Контакт-культура, 2000. С. 265-295; *Мозговая А. В.* Социология риска: возможности синтеза теории и эмпирического знания // *Риск в социальном пространстве* / Ред. А. В. Мозговая. М.: Институт социологии РАН, 2001. С. 9-37; *Яницкий О. Н.* Социология риска. М.: LVS, 2003.

¹⁰ См., например: *Lupton D.* Risk. London: Routledge, 1999;

¹¹ *Renn O.* Concepts of Risk: A Classification // *Social Theories of Risk* / Ed. by S. Krimsky, D. Golding. L.; N.Y.: Praeger, 1992. PP. 53-79; *Зубков В. И.* Социологическая теория риска. М.: РУДН, 2003; *Кравченко С.А., Красиков С.А.* Социология риска: полипарадигмальный подход. М.: Анкил, 2004; *Яницкий О. Н.* Социология риска. М.: LVS, 2003.

Содержательный анализ вклада социологии в исследования восприятия риска осуществляется в диссертации посредством метода *социологической реконструкции*, через процедуру соотнесения логики и результатов ряда подходов к исследованию восприятия риска с тем или иным способом концептуализации природы социального. Эти способы концептуализации обозначаются методологами социологии как исследовательские программы, сосуществующие в современной социологии¹².

В конечном счете, подобная рефлексия – это элемент профессионального самоопределения социологов. С одной стороны, это демонстрация представителям других научных дисциплин возможностей социологии при изучении любого социального явления, а с другой – это попытка понять собственное место в междисциплинарном проекте по исследованию риска (на примере рубрики исследований восприятия риска)

Кроме того, осуществление указанной реконструкции способствует уточнению когнитивного содержания «социологии риска» как таковой, в частности, позволяет не только выявить социологические предпосылки, реализованные в основных подходах к концептуализации восприятия риска, но и систематизировать и интегрировать их. Как следствие, возможно выделение некоторых доказавших свою результативность теоретических стратегий, которым может следовать социолог при изучении риска, что, конечно, не исключает существование иных исследовательских стратегий.

Степень научной разработанности проблемы

Непосредственно тему вклада социологии в «рискологию» затрагивали в западной традиции, например, К. Тёрни, Дж. Шорт, в отечественной – А. Мозговая, О. Яницкий¹³. К. Тёрни связывает этот вклад, с одной стороны, с рассмотрением анализа риска как части научной деятельности в контексте социологии науки (например, как социальная организация научной работы влияет на процесс анализа риска), а с другой – с проблемами социального распределения риска, а также с различиями воздействия опасных событий на те или иные сегменты общества. На последнем аспекте также акцентируют внимание и другие исследователи. Дж. Шорт подчеркивает, в частности, что фокусом интереса должно стать изучение воздействия страхов, связанных с рисками, на сети межличностных отношений и

¹² Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб.: Интерсоцис, 2006.

¹³ Tierney K. J. Sociology's Unique Contribution to the Study of Risk. Paper presented at the 13th World Congress of Sociology, Bielefeld, Germany, July 18-23, 1994; Short J. F. The Social Fabric at Risk: Toward the Social Transformation of Risk Analysis // American Sociological Review. 1984. Vol. 49. No. 6. PP. 711-725; Мозговая А. В. Социология риска: возможности синтеза теории и эмпирического знания // Риск в социальном пространстве / Ред. А. В. Мозговая. М.: Институт социологии РАН, 2001. С. 9-37; Яницкий О. Н. Социология риска. М.: LVS, 2003.

на общество как таковое¹⁴. А. Мозговая обосновывает тезис о том, что вклад социологии в проект по исследованию риска заключается в реализации системного подхода, предполагающего выход на социальный, институциональный и организационный уровни изучения риска, акцентируя внимание на социальном контексте риска, на социальных процессах и структурах, в границах которых имеет место риск¹⁵.

Перечисленные работы в большей степени имеют прогностический характер: исследователи представляют свою точку зрения на то, какие аспекты изучения риска *могут стать* предметом социологических исследований. В этих работах не делается особого акцента на изучении *восприятия риска*.

Имеются работы, в которых предприняты попытки систематизировать и упорядочить поле социологических подходов к изучению риска, а также прояснить критерии, на основании которых те или иные подходы можно отнести к социологии. Одна из таких попыток представлена в работе С. Кравченко и С. Красикова¹⁶, которые предлагают социологические подходы к изучению риска выделять по принадлежности к одной или нескольким социологическим «парадигмам»¹⁷. Например, если существует «феноменологическая парадигма» в социологии, то вполне возможен и соответствующий «феноменологический» подход к анализу риска.

Одна из самых убедительных классификаций социологических подходов к анализу риска была предложена известным ученым, экс-президентом Европейского общества анализа риска О. Ренном¹⁸. Важной особенностью предложенной классификации является то, что она базируется на допущениях о природе социальной реальности, и, соответственно, о специфике ее изучения: сама классификация может быть рассмотрена как попытка выявить социологические «теоретические ходы» в существующих подходах к анализу риска и восприятия риска. Кроме того, О. Ренн является соавтором монографии, в которой представлена наиболее полная на настоящий момент теоретическая реконструкция отдельного направления исследований риска, связанного с «парадигмой рационального действия»¹⁹. Ценность этой монографии состоит в демонстрации продуктивности методологического инструментария: проведенная реконструкция способствует пониманию

¹⁴ *Short J. F.* The Social Fabric at Risk: Toward the Social Transformation of Risk Analysis // *American Sociological Review*. 1984. Vol. 49. No. 6. P. 718.

¹⁵ *Мозговая А. В.* Социология риска: возможности синтеза теории и эмпирического знания // *Риск в социальном пространстве* / Ред. А. В. Мозговая. М.: Институт социологии РАН, 2001. С. 25-27.

¹⁶ *Кравченко С.А., Красиков С.А.* Социология риска: полипарадигмальный подход. М.: Анкил, 2004.

¹⁷ Там же, С. 17-25.

¹⁸ *Renn O.* Concepts of Risk: A Classification // *Social Theories of Risk* / Ed. by S. Krimsky, D. Golding. L.; N.Y.: Praeger, 1992. PP. 68-72.

¹⁹ *Jaeger C.C., Renn O., Rosa E.A., Webler T.* Risk, Uncertainty, and Rational Action. London: Earthscan, 2001.

логики развития, возможных ограничений и перспектив отдельного направления исследования риска.

Также неявным образом вопрос о потенциале социологии в междисциплинарном проекте по изучению риска затрагивается в обзорных работах зарубежных коллег – Д. Лаптон, Дж. Цинна, а также отечественных исследователей О. Яницкого, В. Зубкова, Ю. Зубок и др.

В общеметодологическом смысле значительной ценностью для разрабатываемой темы обладают работы Дж. Ритцера, который выделяет «метатеоретизирование» в качестве самостоятельной рубрики социологического анализа²⁰, подразумевающей рефлексивное исследование фундаментальной структуры социологии, а также ее элементов, в частности, теорий. Осуществляемая в диссертационном исследовании реконструкция может быть рассмотрена как частный случай такого «метатеоретизирования» за тем исключением, что его объектом являются не признанные социологические теории, а *отдельные подходы к изучению восприятия риска*, которые могут не базироваться на детально разработанных и эксплицитно сформулированных теориях (например, в силу своей эмпирической направленности) и которые *предположительно* составляют корпус социологических исследований восприятия риска.

Теоретические и методологические основы диссертации

Диссертация носит теоретический характер, основой исследования является работа с источниками в соответствии с определенной аналитической схемой. В рамках работы приняты следующие ограничения.

Во-первых, речь идет о концептуализации *восприятия риска*, за пределами рассмотрения находятся подходы, в центре внимания которых – специфика современного риска и институтов управления им, вопросы общественного производства, распространения и потребления рисков, особенности современных обществ в контексте риска и др. Таким образом, концепции таких признанных ученых как У. Бек, Э. Гидденс, Н. Луман и ряда других нами не рассматриваются.

Во-вторых, рассматриваются подходы, авторы которых *явным образом говорят о «риске» и «восприятии риска»*. Это решение заведомо исключает смежные области, связанные, к примеру, с исследованием «катастроф»²¹, а также значительную часть

²⁰ См., например: *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. 5-е издание. СПб.: Питер, 2002. С.562-581.

²¹ См., например: *Quarantelli E. L.* What is a Disaster // *International Journal of Mass Emergencies and Disasters*. 1995. November, Vol. 13., No. 3, pp. 221-229; *Gilbert C.* Studying Disaster: A Review of the Main Conceptual tools // *International Journal of Mass Emergencies and Disasters*. 1995. November, Vol. 13., No. 3, pp. 231-240; *Kreps G.A.* Classical Themes, Structural Sociology, and Disaster Research // *Sociology of Disasters*. Milano: Franco Angeli, 1987. PP. 357-401.

дисциплины, обозначаемой «инвайронментальной социологией»²², в рамках которых также рассматриваются вопросы восприятия (катастроф, окружающей среды и др.). Это ограничение автоматически исключает интерпретацию классического социологического наследия с позиций «риска».

В-третьих, перечень анализируемых подходов ограничен *западными исследованиями*²³.

В-четвертых, речь идет о *современных* подходах к изучению восприятия риска. Хотя в настоящее время отсутствует согласие относительно того, когда появились научные исследования риска²⁴, мы будем преимущественно говорить о второй половине XX века.

Таким образом, объектом социологической реконструкции являются *современные западные походы к концептуализации восприятия риска*. Невозможность детальной социологической реконструкции всех подходов обуславливает необходимость отбора «ключевых», среди которых также были расставлены приоритеты, в результате чего «теория социокультурной жизнеспособности» (восходящая к работам М.Дуглас) была выделена специально – реконструкции этого достаточно влиятельного направления посвящена вторая глава диссертационного исследования. Акцент на этом подходе обусловлен, прежде всего, периферийным местом, отведенным ему в современных отечественных социологических работах по тематике риска, а также отсутствием детальных обзоров этого исследовательского направления как в западной, так и российской социологии.

Цель, задачи, предмет и объект исследования

Цель диссертационной работы состоит в расширении теоретического социологического знания о восприятии риска и более полном раскрытии потенциала социологии в междисциплинарном рискологическом проекте.

Объектом анализа являются теоретические представления о риске, на которых базируются исследования восприятия риска.

Предмет диссертационного исследования – социологические допущения в основных подходах к концептуализации восприятия риска.

Задачи исследования:

1. Представить аналитический обзор и систематизировать подходы к концептуализации восприятия риска.

²² См., к примеру: *Баньковская С.П.* Инвайронментальная социология. Рига: Зинатне, 1991; *Яницкий О.Н.* Альтернативная социология // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 70-83; *Catton W., Dunlap R.* Environmental Sociology: A New Paradigm // The American Sociologist. 1978. Vol. 13. PP. 41-49.

²³ В обзорной работе В. Зубкова значительное внимание уделяется именно отечественным исследовательским подходам, которые также могли бы стать объектом социологической реконструкции (См.: *Зубков В. И.* Социологическая теория риска. М.: РУДН, 2003).

²⁴ Так, О. Ренн полагает, что это произошло только в середине XX века, тогда как О. Яницкий говорит, по меньшей мере, о столетней истории (*Ренн О.* Три десятилетия исследования риска: достижения и новые горизонты // Вопросы анализа риска. 1999. Т. 1. №1. С. 80-99; *Яницкий О.Н.* Социология риска. М.: LVS, 2003).

2. Обосновать продуктивность метода и разработать процедуру социологической реконструкции подходов к концептуализации восприятия риска.
3. Соотнести специфику социологического видения социальной реальности с содержанием основных подходов к концептуализации восприятия риска: осуществить позитивную социологическую рефлексию вклада каждого из них в становление социологии риска как научной дисциплины.
4. Показать вклад социологии в исследования восприятия риска и артикулировать междисциплинарные связи социологии риска с другими рискологическими направлениями (на примере исследований восприятия риска).

Научная новизна исследования

Разработана и применена методология и методика социологической реконструкции существующих подходов к изучению восприятия риска по критерию наличия в них определенных допущений о природе социального действия и социального порядка, принятых в рамках тех или иных социологических исследовательских программ.

Уточнен вклад социологии в междисциплинарный проект по исследованию риска на примере анализа основных подходов к концептуализации восприятия риска.

Изучены ранее не рассматривавшиеся аспекты «теории социокультурной жизнеспособности», связанные с антропологическими корнями этого подхода, прежде всего, с работами М. Дуглас 70-х гг. XX века, с целью демонстрации влияния этих аспектов на специфику *социологической* концептуализации восприятия риска в рамках этого подхода на современном этапе.

Показано место «теории социокультурной жизнеспособности» как в ряду подходов к изучению восприятия риска, так и в контексте существующих в социологии исследовательских программ.

Осуществлен критический анализ «теории социокультурной жизнеспособности», ее категориального аппарата и теоретической логики, а также способов ее операционализации, тем самым уточнен «социологический» потенциал этой теории по объяснению и эмпирическому изучению социальной специфики восприятия риска.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Значимым вкладом социологии в междисциплинарный проект по исследованию риска является применение характерных для социологии моделей объяснения, специфической социологической методологии, позволяющей сделать акцент на определенных аспектах изучаемого объекта. Например, предложенная в рамках социологии критика натуралистических подходов, основанных на идее рациональности действующего

субъекта, обогатила традиционные представления о риске, в центре которых находятся категории «вероятности» и «масштаба последствий». Кроме того, принятие социологической точки зрения позволило сделать акцент на том, что риск является не только продуктом физического окружения субъекта, но и социальным конструктом, для описания и объяснения которого следует учитывать субъективное измерение, предшествующий опыт индивида и социальных групп, социально-структурный контекст, специфику господствующего дискурса и пр.

2. Содержание отдельной рубрики междисциплинарного проекта по изучению риска – исследований восприятия риска – свидетельствует о позитивном вкладе социологической методологии в «рискологию» как таковую.
3. Основными подходами к концептуализации и изучению восприятия риска являются подходы, основанные на концепции рационального действия (в частности, на «модели ожидаемой полезности»); «психометрическая парадигма»; исследования восприятия повседневных рисков; подход, основанный на представлении о «режиме власти» (*governmentality*); «теория социокультурной жизнеспособности». Во всех этих подходах присутствуют «социологические элементы», что свидетельствует о вкладе социологии в проект по исследованию риска.
4. Подходы, восходящие к «модели ожидаемой полезности», сформировавшиеся в дисциплинарных рамках экономики, получили свое развитие в том числе и за счет включения социологических элементов, в частности, использования социологических методов сбора информации – эксперимента и опроса. В рамках более поздних версий этого исследовательского направления (например, в концепции Дж. Адамса) с использованием социологической аргументации была признана ограниченность таких подходов для решения новых задач – прежде всего, связанных с распространением предлагаемых моделей объяснения за пределы «экономических объектов».
5. Подходы, занимающиеся изучением «выявленных предпочтений», основываются на бихевиористском допущении (относящемся к социологической исследовательской программе натурализма) о необходимости анализа реально демонстрируемого поведения, которое и является главным индикатором восприятия риска.
6. Концептуализация восприятия риска в рамках «психометрической парадигмы» осуществляется с использованием двух линий аргументации, каждая из которых имеет прямое отношение к социологии. Первая, изначально связанная с психосемантическими исследованиями, с поиском измерений восприятия риска, имплицитно содержит в себе цель выйти на возможность предсказания поведения (реакций) в условиях риска, однако трудности создания таких прогностических моделей приводят представителей

«психометрической парадигмы» к такой социологической категории как «доверие». Кроме того, одной из центральных задач в рамках этого направления является обнаружение специфики восприятия риска учеными (профессионалами, экспертами) и неспециалистами («публикой»), что в большей степени соответствует социологии, нежели психосемантике. Вторая линия аргументации связана с интерпретативной социологической логикой, в рамках которой осуществляется поиск значений и смыслов, приписываемых различным «опасным объектам».

7. Исследования восприятия повседневных рисков в своем ядре содержат интерпретативные социологические допущения: восприятие риска – это элемент сознания субъекта, содержание которого вырабатывается благодаря принадлежности к культурам, субкультурам и специфическим социальным группам, а также в ходе индивидуального опыта.
8. В рамках подхода, основанного на представлении о «режиме власти» (*governmentality*), восприятие риска – это отражение представлений, являющихся отдельным элементом господствующего дискурса. В конечном счете, специфика дискурса определяет маркировку отдельных «объектов» или форм поведения как рискованных, которые и воспринимаются соответствующим образом.
9. В «теорию социокультурной жизнеспособности», изначально сформулированную в рамках социальной антропологии и применимую главным образом к дописьменным сообществам, заложен потенциал, позволяющий изучать социальную специфику восприятия риска отдельными субъектами и сообществами индивидов в современных обществах. Этот потенциал связан, во-первых, со структурно-функциональной логикой в социологии, согласно которой восприятие риска, понимаемое как разделяемые представления о риске, функционально в контексте социально-структурных особенностей общностей. Во-вторых, с идеей о том, что разделяемые представления о риске являются частью системы более общих, фундаментальных убеждений субъектов (мировоззрения, космологии).
10. Возможности «теории социокультурной жизнеспособности» по объяснению специфики восприятия риска в значительной степени ограничены теоретическим уровнем (высокой степенью абстрактности), тогда как к настоящему времени адекватные способы операционализации этой теории не были реализованы. Перспективы «теории социокультурной жизнеспособности» связаны с преодолением этого недостатка.
11. Существование ряда исследовательских программ в социологии обуславливает проблематичность однозначного определения вклада социологии в междисциплинарный проект по исследованию восприятия риска и риска вообще. В этом смысле «Социология риска» является совокупностью различных, иногда несовместимых друг с другом

«теоретических ходов», моделей объяснения, применяемых для исследования восприятия риска, которые, однако, скорее следует рассматривать как взаимодополняющие, как раскрывающие различные аспекты восприятия риска.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Результаты проведенного исследования могут рассматриваться как вклад в расширение научных представлений о роли социологии в междисциплинарном проекте исследования риска на примере развивающегося научного направления.

Исследование способствует более глубокому пониманию специфики и значения социологии в междисциплинарной концептуализации восприятия риска.

Результаты исследования и научные выводы позволили разработать учебный спецкурс по дисциплине «Социология риска».

Отдельные положения исследования, касающиеся, к примеру, операционализации «теории социокультурной жизнеспособности» могут быть использованы при проведении эмпирических исследований, нацеленных на выявление специфики восприятия риска различными группами населения.

Результаты исследования могут быть использованы в риск-менеджменте при разработке и реализации управленческих решений, а также в процессе подготовки и повышения квалификации персонала.

Апробация исследования

Основные положения диссертации были апробированы в научных публикациях и в рамках разработанного соискателем спецкурса по дисциплине «Социология риска» (Государственный университет – Высшая школа экономики, Государственный университет гуманитарных наук). Результаты диссертационного исследования были также представлены на конференциях: Конференция аспирантов «Молодые социологи о трансформациях в России и вызовах современности» (Звенигород, 23-25 сентября 2005 г.), II Всероссийская научная конференция «Сорокинские чтения» «Будущее России: стратегии развития» (Москва, 14-15 декабря 2005 г.), Вторая научно-практическая конференция аспирантов «Россия в современном мире: проблемы, тенденции, перспективы развития» (Звенигород, 22-24 сентября 2006 г.), Всероссийский социологический конгресс «Глобализация и социальные изменения в современной России» (Москва, 3-5 октября 2006 г.).

Структура работы

Сформулированные выше цели и задачи исследования обуславливают **структуру** работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность и степень разработанности заявленной темы, формулируются цель, задачи, объект и предмет диссертационного исследования, а также теоретико-методологическая база, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

Первая глава посвящена обоснованию позиции соискателя относительно сути, процедуры и результатов социологической реконструкции, проводимой в исследовании. Реконструкция предполагает выявление в существующих подходах к изучению восприятия риска специфических «социологических элементов»: характерных для социологии моделей описания и объяснения, методологических приемов, логики исследования и др. На примере четырех «ключевых» подходов к концептуализации восприятия риска демонстрируется возможность и продуктивность подобной реконструкции.

Первый параграф посвящен исходным допущениям диссертационного исследования. Прежде всего, предлагается авторское видение того, каким образом может осуществляться социологическая реконструкция основных подходов к концептуализации восприятия риска, и что может быть ее итогом. В качестве *результата* реконструкции предлагается рассматривать выявление в массиве анализируемых текстов таких «элементов» как:

- представления о природе социального действия и социального порядка;
- социологические модели объяснения и описания;
- категории и термины, используемые социологией;
- социологические методологические приемы и методы.

Именно обнаружение подобных «элементов», по мнению соискателя, будет свидетельствовать о вкладе социологии в изучение восприятия риска. Представляется, что содержательная характеристика таких «элементов» требует предварительного ответа на вопрос о специфике социологии как таковой. Поскольку этот вопрос носит дискуссионный характер, предлагается в рамках диссертационной работы принять два существенных положения.

Во-первых, трактовка указанных «элементов» в значительной степени зависит от *принятия исследователем фундаментальных «допущений» или «предположений» о природе социального действия и социального порядка*. Речь идет о «допущениях», «которые делает каждый ученый о природе социального действия и о его отношении к структурированным установлениям»²⁵. Социологическая реконструкция, предпринятая в работе, подразумевает поиск таких допущений в ряде подходов к концептуализации восприятия риска.

²⁵ *Alexander J. Theoretical Logic in Sociology. Vol. 2. London: Routledge & Kegan Paul, 1982. P. xix.*

Во-вторых, существующее множество фундаментальных допущений о природе социального действия и социального порядка может быть упорядочено по ряду оснований, так что для предпринимаемой реконструкции в качестве ориентира может быть взято несколько таких «наборов» взаимосвязанных допущений – научно-исследовательских программ (И. Лакатос)²⁶. Это понятие представляется более адекватным поставленным задачам по сравнению с такими близкими, но не тождественными концептами, как «парадигма» (Т. Кун)²⁷ и «общая социологическая ориентация» (Р. Мертон)²⁸. Соискатель использует упрощенную трактовку «научно-исследовательской программы», согласно которой *предположения, совокупность которых связана с представлениями о природе социального действия и социального порядка, составляют «твердое ядро» той или иной программы.*

В диссертационном исследовании признается существование нескольких подобных программ в социологии. Попытки их выделить неоднократно предпринимались как в западной (Дж. Ритцер, Дж. Александер и др.), так и в отечественной социологии (И. Ф. Девятко, В. А. Ядов и др.). В качестве ориентира в диссертационном исследовании взята классификация, предложенная И. Ф. Девятко, согласно которой в социологии существуют четыре основные исследовательские программы: натурализм, интерпретативная программа, структурализм и функционализм²⁹.

Таким образом, *социологическая реконструкция подходов к концептуализации восприятия риска определена в диссертации как нахождение в этих подходах явным или неявным образом используемых специфических для социологии «теоретических ходов», моделей объяснения и понятий.* Упомянутые четыре социологические исследовательские программы выступают своеобразным ориентиром, указывающим на то, какие именно «теоретические ходы» принадлежат социологии, какие именно аспекты изучаемого явления представляют для социологии центральный интерес. Это не значит, однако, что не может существовать других исследовательских программ, и что не существует иного определения специфики социологии, а, значит, другой оценки вклада социологии в область исследования восприятия риска.

Во втором параграфе формулируется наиболее общее представление о понятии «риск», определяется содержание термина «восприятие риска», а также выделяются

²⁶ Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2001. С. 269-455.

²⁷ Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2001.

²⁸ Merton R. K. The bearing of sociological theory on empirical research // Merton R. K. Social theory and social structure. Enlarged edition. N.Y.: The Free Press; L.: Collier Macmillan Limited, 1968. PP. 139-155.

²⁹ Девятко И. Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. М.: Аванти плюс, 2003. С. 67-78.

ключевые подходы к концептуализации восприятия риска, которые становятся объектом социологической реконструкции.

В качестве исходной точки принимается связь риска с *действием* и *действующим субъектом*: риск существует лишь при наличии субъекта и возможности действия. Использование схемы единичного акта Т. Парсонса, позволяет выдвинуть тезис о том, что «риск», так или иначе, связан с целью действия, то есть с «будущим положением вещей, на которое ориентировано выполняемое действие»³⁰. Представляется, однако, что в общем виде предпочтительнее использовать более нейтральный термин «будущая ситуация». Риск, по мнению соискателя, связан с ориентацией действующего субъекта на будущую ситуацию, которая по отношению к нему:

- возможна или вероятна, но не детерминирована;
- скорее ожидаема, чем неожиданна;
- зависима от его действий;
- негативна или нежелательна для него³¹.

Формулирование более точной дефиниции понятия «риск» подразумевает обращение к природе действия, что связано с принимаемой социологической исследовательской программой. Таким образом, даже на уровне дефиниции можно констатировать, что в рамках социологии возможен *акцент на разных аспектах риска*. Так, интерпретативная программа фокусируется на том, что некоторая по отношению к субъекту «будущая ситуация» рассматривается им как возможная, ожидаемая, нежелательная. Между тем, для натурализма скорее характерно рассмотрение риска в связи с негативной вероятной ситуацией, зависимой от действий субъекта.

Трактовка *восприятия риска* в рамках диссертационного исследования включает в себя целый ряд взаимосвязанных элементов:

- процесс и результат оценки риска субъектом (вероятности возникновения некоторой «будущей ситуации» и ее различных характеристик);
- совокупность суждений, представлений и установок субъекта относительно риска;
- определение некоторых «будущих ситуаций» как нежелательных или опасных.

Как и в отношении к понятию «риск», содержательная трактовка восприятия риска в значительной степени зависит от того, какими допущениями и предположениями о природе социального действия и социальной реальности руководствуется исследователь.

³⁰ Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000. С. 95.

³¹ В общем и целом, такое представление о риске соответствует мысли О. Ренна о том, что «определение риска содержит три элемента: последствия, которые воздействуют на человеческие ценности, возможность возникновения (неопределенность) и формула, объединяющая оба эти элемента» (Ренн О. Три десятилетия исследования риска: достижения и новые горизонты // Вопросы анализа риска. 1999. Т. 1. №1. С. 83).

Поскольку восприятие риска изучается достаточно широко, для достижения задач диссертационного исследования целесообразным представляется *отбор некоторых «ключевых» подходов к изучению восприятия риска*. Результатом отбора, за основу которого были приняты две классификации Д. Лаптон и О. Ренна³², стали пять подходов к концептуализации восприятия риска:

- исследования, связанные с концепцией рационального действия (основанные на «модели ожидаемой полезности», в частности, подход Д. Канемана и А. Тверски);
- «психометрическая парадигма» П. Словика и коллег;
- исследования восприятия повседневных рисков (Дж. Туллох и Д. Лаптон);
- подход, основанный на представлении о «режиме власти» (**governmentality**) М. Фуко;
- «теория социокультурной жизнеспособности» (М. Томпсон, А. Вилдавски).

Особый акцент сделан на «теории социокультурной жизнеспособности», которая при длительной интеллектуальной истории пока не получила заметного распространения в отечественной социологической традиции.

В **третьем параграфе** осуществляется социологическая реконструкция концептуализации восприятия риска в границах подхода, связанного с концепцией рационального действия. В основе этого подхода лежит представление, согласно которому риск определяется как произведение объективной величины последствий на объективную вероятность их появления³³. В качестве примера направления, основывающегося на таком определении риска, рассматривается «модель ожидаемой полезности», сложившаяся в рамках экономической теории³⁴. Согласно логике этого направления, действующий субъект осуществляет выбор альтернатив, предполагающих вероятные негативные последствия, исходя из исчисления (а) вероятностей и (б) объемов последствий. Несмотря на наличие множества модификаций «модели ожидаемой полезности»³⁵, ее «ядро» остается неизменным: риск имеет *количественную* и *исчисляемую* природу³⁶, а действие субъекта рассматривается как зависимое от некоторой формы «максимизации» или «оптимизации»

³² *Lupton D.* Risk. London: Routledge, 1999. P.17-35; *Renn O.* Concepts of Risk: A Classification // *Social Theories of Risk* / Ed. by S. Krimsky, D. Golding. L.; N.Y.: Praeger, 1992. PP. 68-69.

³³ Подобное определение риска нельзя считать «устаревшим». Так, отечественные исследователи А. Быков и Н. Мурзин утверждают, что риск «состоит из двух компонент: размера последствий воздействия и их вероятностей» (*Быков А.А., Мурзин Н.В.* Проблемы анализа безопасности человека, общества и природы. СПб.: Наука, 1997. С. 93). Н. Луман отмечает, что «еще и поныне риск вычисляют путем перемножения степени ущерба и вероятности ущерба» (*Луман Н.* Понятие риска // *THESIS*. 1994. № 5. С. 144).

³⁴ *Шумейкер П.* Модель ожидаемой полезности: разновидности, подходы, результаты и пределы возможностей // *THESIS*. 1994. Вып. 5. С. 29-42.

³⁵ В диссертационном исследовании приводится критика «модели ожидаемой полезности» Д. Канеманом и А. Тверски, результатом которой стало создание «теории перспектив», которая, обладая лучшей прогностической силой, по-прежнему находится в рамках концепции рационального действия (*Kahneman D., Tversky A.* Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk // *Econometrica*. 1979. Vol. 47. No. 2. PP. 263-291).

³⁶ Эта идея наиболее ярко выражена в противопоставлении Ф. Найтом «риска» и «неопределенности» (*Найт Ф. Х.* Риск, неопределенность и прибыль. М.: Дело, 2003. С. 225).

так или иначе понимаемой «полезности». Общность «ядра» предположительно свидетельствует о принадлежности этих моделей к направлению, которое О. Ренн с коллегами обозначает «парадигмой рационального действия»³⁷.

Восприятие риска в рамках этого подхода и его модификаций интерпретируется, прежде всего, как экономическая оценка. На последнюю, в свою очередь, влияют различные «эвристики» и «предубеждения», наличие которых обуславливают эмпирически демонстрируемые отклонения реальных «выборов» от прогнозируемых «моделью ожидаемой полезности»³⁸. Обнаружение подобных «эффектов» следует рассматривать скорее как вклад *психологии* в экономическую по сути проблематику. Лишь условно *вкладом социологии* в это исследовательское направление можно назвать применение опроса и эксперимента как методов сбора данных.

Значимый вклад социологии в это направление связан с *ограничением области применения предлагаемых моделей действующего субъекта в условиях риска*: рядом исследователей практически буквально воспроизводится сформулированная в рамках социологии критика натуралистических «моделей рационального действия»³⁹. Например, Дж. Адамс настаивает на невозможности существования единой шкалы, по которой субъекты оценивают как позитивные, так и негативные последствия⁴⁰, что созвучно сформулированному в рамках социологии тезису о нереалистичности идеи о существовании единой шкалы «полезности» и универсального критерия рациональности.

Другое направление, которое можно рассматривать как некоторое «ответвление» концепции рационального действия, связано с именем Ч. Старра и его анализом «выявленных предпочтений» (“revealed preferences”)⁴¹. В рамках этого направления предлагается решение указанной проблемы критерия рациональности посредством *отказа* от создания модели действующего субъекта. Вместо этого, внимание акцентируется на *реально демонстрируемом поведении*, которое предположительно отражает некоторый исторически достигнутый баланс между выгодами и издержками. Как нам представляется, идею о том, что значимым источником сведений о восприятии того или иного риска является реально демонстрируемое поведение субъектов, можно рассматривать как вклад социологии (прежде всего, в ее натуралистической части) в междисциплинарную область исследований риска.

³⁷ Renn O., Jaeger C., Rosa E. and Webler T. The Rational Actor Paradigm in Risk Theories: Analysis and Critique. URL: <http://www.kent.ac.uk/scarr/events/finalpapers/renn.pdf>

³⁸ См.: Канеман Д., Тверски А. Принятие решений в условиях неопределенности: правила и предубеждения // *Принятие решений в неопределенности* / Под ред. Д. Канемана, П. Словика и А. Тверски. Харьков: Гуманитарный центр, 2005. С. 17-36.

³⁹ См. обобщение критики в: Девятко И. Ф. Модели объяснения и логика социологического исследования. М.: ИСО-ТЕМПУС/TACIS, 1996. С. 32-33.

⁴⁰ Adams J. Risk. L.: UCL Press, 1995. P. 22

⁴¹ Starr Ch. Social Benefit versus Technological Risk // *Science*. 1969. Vol. 165. No. 3899 (September). PP. 1232-1238.

Продуктивность этой социологической идеи демонстрируется также на примере взглядов Дж. Адамса⁴², реконструкция которых позволила обнаружить наличие попыток перейти от моделей восприятия риска и рискованного поведения отдельных субъектов к *интерактивной модели взаимодействия двух и более субъектов*. Соискателю представляется, что сама по себе постановка задачи о необходимости прояснения воздействия микро- на макроуровень социальной реальности при изучении восприятия риска и поведения в условиях риска может быть рассмотрена как вклад социологии в междисциплинарный проект по изучению риска.

В **четвертом параграфе** осуществляется социологическая реконструкция «психометрической парадигмы», разрабатываемой П. Словиком и коллегами⁴³. Сторонники этого подхода утверждают, что изучают именно «восприятие риска», «познавательные способности» (“*cognition*”), «субъективный компонент» риска, но не реальное поведение. Они изучают «высказываемые предпочтения» (“*expressed preferences*”), а не «выявленные предпочтения». В целом, истоки данного подхода связаны с психосемантическими исследованиями, с поиском измерений восприятия риска, а его цель – выявление *факторов, влияющих на восприятие риска населением, «неспециалистами»*. Изначально поиск этих факторов осуществлялся среди различных *характеристик самих рисков* с помощью разного рода «тестовых» процедур, т.е. в согласии с логикой психосемантики. Тем не менее, проведенная реконструкция обнаружила неявную цель таких подходов – создать модели поведения (реакций) в условиях риска. Впрочем, «натуралистический» шаг по связыванию в единую модель характеристик «опасных объектов» и поведенческих реакций не делается. Иными словами, отсутствуют явные попытки решить более общую проблему, касающуюся связи между существующими когнитивными и эмоциональными аспектами представлений, с одной стороны, и демонстрируемым поведением – с другой. Тем не менее, развитие «психометрической парадигмы», как показала проведенная реконструкция, оказалось в значительной степени связанным с выходом за пределы психосемантики. В частности, П. Словик и коллеги все чаще стали использовать *категории, характерные для социологических исследований*, например, гендер, мировоззрение, политические установки, доверие к институтам и др.⁴⁴

Одной из центральных задач в рамках этого направления стало обнаружение специфики восприятия риска учеными (профессионалами, экспертами) и неспециалистами,

⁴² *Adams J.* Risk. L.: UCL Press, 1995. См. также: *Adams J.* Cars, Cholera, and Cows. The Management of Risk and Uncertainty // Policy Analysis. 1999. No. 335. PP. 1-49.

⁴³ См.: *Slovic P.* Perception of Risk // Science. 1987. Vol. 236. PP. 280-285; *Slovic P.* Perceptions of Risk: Reflections on the Psychometric Paradigm // *Social Theories of Risk* / Ed. by S. Krimsky, D. Golding. L.; N.Y.: Praeger, 1992. PP. 117-152; *Slovic P.* The Perception of Risk. London: Earthscan, 2000.

⁴⁴ См., например: *Slovic P.* Trust, Emotion, Sex, Politics and Science: Surveying the Risk-assessment Battlefield // *Environment, Ethics and Behavior* / Ed. by M. Bazerman, D. Messick, A. Tenbrunsel and K. Wade-Benzoni, San Francisco: New Lexington Press, 1997. PP. 277-313.

что также в большей степени адекватно социологии, нежели психосемантике: логичным представляется переход к признанию социальной детерминации специфики восприятия риска различными категориями населения.

Кроме того, социологическая реконструкция обнаружила в подходе элементы, характерные для интерпретативной программы в социологии. Речь идет о модифицированной версии «психометрической парадигмы», которая в большей степени нацелена на поиск придаваемых непрофессионалами различным рискам *смыслов и значений*. Для выявления *конструктов самих респондентов* сторонники «психометрической парадигмы» изменили методику (в частности, они стали использовать различные вариации метода неоконченных предложений), а для интерпретации полученных результатов стали применять понятие «стигмы»⁴⁵. Анализ полученных результатов позволяет сделать вывод о том, что фокусом интереса в рамках этого «модифицированного» подхода по-прежнему остается изучение самих рисков, а не социальных групп или индивидов. Кроме того, в рамках этого подхода не ставится вопрос о том, каким образом реальное поведение в условиях риска связано с теми значениями, которые приписываются индивидом разным рискам. Скорее акцент делается на необходимости *учитывать* придаваемое рискам значение, что, по крайней мере отчасти, соответствует интенциям феноменологического направления в социологии.

Таким образом, развитие этого подхода свидетельствует, что на его современное состояние в значительной степени повлияли различные социологические «элементы»: заимствовались не только социологические концепты и методы, но и модели объяснения, связанные, прежде всего, с интерпретативной логикой.

Фокусом анализа в **пятом параграфе** является сравнительно «молодой» подход Дж. Туллоха и Д. Лаптон⁴⁶, связанный с исследованиями восприятия повседневных рисков. Они полагают, что представления о риске вырабатываются благодаря принадлежности к культурам и субкультурам, равно как и посредством личного опыта. Любое знание о риске является историческим и локальным. Исследователи осуществляют «плотные описания» ситуаций риска, в результате обнаруживают многообразие измерений восприятия риска. Кроме того, для интерпретации они используют специфические «далекие-от-опыта» понятия (например, «пересечение границ»). В конечном счете, Д. Лаптон и Дж. Туллох стремятся не предсказать или объяснить поведение индивида, но *понять* его, опираясь во многом на «конструкты первого порядка».

⁴⁵ См.: *Slovic P., Flynn J.H., Layman M.* Perceived Risk, Trust, and the Politics of Nuclear Waste // *Science*, 1991. Vol. 254. No. 5038. PP. 1603-1607; *Gregory R., Flynn J., Slovic P.* Technological Stigma // *American Scientist*. 1995. Vol. 83. No. 3. PP. 220-223.

⁴⁶ *Tulloch J., Lupton D.* Risk and Everyday Life. London: Sage Publications, 2003.

Социологическая реконструкция этого подхода показывает, что он является образцом последовательной реализации логики интерпретативной программы. Д. Лаптон и Дж. Туллох делают акцент на процессе конструирования риска, на анализе того, как представление о риске вписывается в индивидуальные биографии, как оно связано с различными социальными характеристиками индивида. Иными словами, этот подход – пример позитивного вклада социологии посредством методологии интерпретативной исследовательской программы в междисциплинарный проект по исследованию риска.

Соискатель акцентирует внимание на этом подходе и потому, что на его примере видны ограничения интерпретативной программы, связанные, прежде всего, с проблемой *идентификации смысла*, а также *множественности интерпретаций*. В рамках этого подхода трудно объяснить, почему индивиды обращают внимание на одни характеристики риска, но игнорируют другие. Например, почему восприятие некоторых рисков оказывается упорядоченным, несмотря на уникальные биографии. Иными словами, если на примере несоциологических по сути подходов, восходящих к модели «ожидаемой полезности», были продемонстрированы элементы социологической критики, то в данном случае подразумевается, что некоторые ограничения подхода, основанного на социологических допущениях, могут быть преодолены за счет обращения к другим социологическим исследовательским программам.

В **шестом параграфе** осуществляется краткий обзор рубрики исследований, в центре которых находится представление о «режиме власти» (*governmentality*)⁴⁷, сторонники которой основываются на работах М. Фуко⁴⁸. «Режим власти» включает в себя особую стратегию реализации власти, при которой осуществляется не прямое физическое *принуждение*, но своего рода *направление* «свободной воли» индивидов посредством распространения определенного рода знания, практик, наблюдений, способов измерения, особого рода классификационных схем. «Риск» в таком случае оказывается элементом дискурса, с помощью которого те или иные группы людей *определяются* как находящиеся в условиях «повышенного риска», соответственно, им навязываются формы поведения, в частности, посредством формирования особых форм восприятия риска.

⁴⁷ См.: *Lupton D.* Risk. London: Routledge, 1999. PP. 84-103; *Zinn J.O.* Literature Review: Sociology and Risk. Working Paper 1-2004 (SCARR WP1) // URL:http://www.kent.ac.uk/scarr/papers/Sociology_Literature_Review_WP1.04_Zinn.pdf PP. 12-15; *Higgs P.* Risk, Governmentality and the Reconceptualization of Citizenship // *Modernity, Medicine and Health: Medical Sociology Towards 2000*. London: Routledge, 1998. 177-197. В работе термин “governmentality” переводится вслед за А. Коновым как «режим власти» (*Конов А.В.* Прозрачность и дисциплина: происхождение принципа прозрачности государственной власти в контексте идей Мишеля Фуко // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление. 2005. № 3. С. 5).

⁴⁸ Прежде всего, речь идет о статье: *Foucault M.* Governmentality // *The Foucault Effect / Ed. by Burchell G. et al.* Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf, 1991. PP. 87-104.

Элементы постструктурализма в данном подходе вводятся явным образом, что фактически делает излишним проведение реконструкции. Можно лишь констатировать, что *восприятие риска в рамках этого подхода рассматривается как зависимое от структуры и специфики существующего дискурса*, от внешних по отношению к сознанию субъектов факторов, которые одновременно не являются свойствами самих рисков. Иными словами, на примере этого подхода можно продемонстрировать, что значимым вкладом социологии в проект по исследованию риска является, в частности, акцентирование внимания на специфике дискурса, без учета которой едва ли возможно понимание и объяснение восприятия риска.

Основной вывод главы заключается в том, что реконструкция четырех «ключевых» подходов к концептуализации восприятия риска показала наличие явного или неявного влияния социологии на их становление и развитие. Иными словами, в этих подходах используются модели объяснения и описания, категории и термины, методы, которые, согласно позиции соискателя, могут считаться социологическим. Если в рамках «психометрической парадигмы» обращение к социологии происходило тогда, когда исходной методологии или теоретической базы оказывалось недостаточно для достижения поставленных целей, то в других направлениях социологические «теоретические ходы» были заложены изначально (например, в исследованиях восприятия повседневных рисков).

Еще одним результатом анализа является подтверждение тезиса о том, что обращение к социологическим исследовательским программам позволяет структурировать совокупность рассмотренных подходов к анализу восприятия риска. Потенциально соответствие социологическим программам может стать основой для классификации социологических подходов к изучению восприятия риска.

Вторая глава представляет собой детальную реконструкцию «теории социокультурной жизнеспособности», одной из центральных категорий которой выступает риск и особенности его восприятия. Сторонники этой теории в значительной степени опираются на работы антрополога М. Дуглас⁴⁹. Целесообразность именно социологической реконструкции представлений о восприятии риска в этом подходе обусловлена рядом обстоятельств. Одно из них связано с историей. Если в 70-е гг. прошлого века это был авторский подход М. Дуглас, который лишь потенциально мог быть применен к современным обществам, то в настоящее время речь идет о целом исследовательском направлении, социальная направленность которого возростала по мере его развития – и на

⁴⁹ Необходимо отметить, что «теория социокультурной жизнеспособности» – это не теория восприятия риска в чистом виде. Скорее, это некоторая концептуальная схема для описания и объяснения любых разделяемых представлений, среди которых авторы этого подхода чаще всего выделяют представления о риске.

данном этапе проблематики включает изучение различных явлений современного общества – от вопросов окружающей среды и риска до политики. Социологическая реконструкция истоков этого подхода способствует не только более глубокому пониманию современной стадии его развития, но и обнаружению таких социологических «теоретических ходов», которые со временем либо перестали рефлексироваться, либо получили недостаточное развитие. Другое обстоятельство связано с тем, что в российской социологической литературе при большой популярности концепции М. Дуглас и ссылок на нее, целостный собственно социологический обзор предложенной ею концепции пока не предлагался.

В первом параграфе дается характеристика исходным теоретическим положениям, составляющим «ядро» концепции М. Дуглас. Прежде всего, проясняется позиция антрополога относительно генезиса определенных «коллективных представлений»⁵⁰. М. Дуглас полагает, что для этого следует использовать *аргументацию функционализма*: коллективные образования являются ненамеренными результатами индивидуальных действий. Используя *логическую схему функционалистского объяснения* Й. Элстера и А. Стинчкома⁵¹, М. Дуглас демонстрирует, как индивидуальные действия приводят к неожиданным последствиям, созданию некоторого «коллективного представления», которое поддерживает существование и функционирование социальной общности.

В диссертационной работе обосновывается тезис о том, что исходные положения концепции М. Дуглас могут быть рассмотрены как *продолжение социологической программы функционализма* в «мертоновской интерпретации»⁵². М. Дуглас не предлагает новую ревизию программы, скорее делает акцент на специфических феноменах (коллективных убеждениях и представлениях), которые можно объяснить посредством логики функционализма. Кроме того, в подходе М. Дуглас выдвигается тезис о том, что на уровне исходных положений практически невозможно отделить функционализм как социологическую программу от функционализма как теоретической стратегии в антропологии.

Во втором параграфе делаются предварительные замечания о том, как логика функционализма, по мнению М. Дуглас, может быть использована для изучения восприятия риска. *Функционализм привлекается М. Дуглас тогда, когда становится очевидной недостаточность интерпретативных допущений*. Согласно последним, индивиды ведут себя в соответствии с тем, какое значение они придают отдельным элементам их окружения. Некоторые «объекты» воспринимаются как опасные или рискованные, при этом такие

⁵⁰ Эти положения наиболее последовательно изложены в: *Douglas M. How Institutions Think*. New York: Syracuse University Press, 1986.

⁵¹ См.: *Elster J. Explaining Technical Change: A Case Study in the Philosophy of Science*. Cambridge Univ. Press, 1983; *Stinchcomb A. Constructing Social Theories*. New York: Harcourt, Brace & World, 1968.

⁵² *Мертон Р. К. Явные и латентные функции* // Американская социологическая мысль: Тексты. М.: Межд. Унив. Бизн. и Упр., 1996. С. 393-461.

значения им придаются *не произвольным образом*. М. Дуглас полагает, что имеет место *процесс отбора рисков, которые будут считаться значимыми*. Именно для объяснения того, почему происходит такой отбор, и привлекается *логика функционализма*.

М. Дуглас пытается ограничить вариативность значений, «привязывая» их к особенностям социального окружения субъектов. Иными словами, разделяемые убеждения о значимости определенных рисков интерпретируются как производные по отношению к форме организации, типу социального контекста, в рамках которого эти убеждения и возникли. Такую схему объяснения соискатель демонстрирует на ряде антропологических примеров, заимствованных у М. Дуглас⁵³. Подобную логику можно использовать для объяснения факта отбора рисков тем или иным сообществом, осуществляя поиск социальных предпосылок существующих рисков, например, в виде непосредственных угроз существующей форме социальной организации или в виде проявлений существующих социально-структурных особенностей изучаемого сообщества.

Несмотря на эвристичность этой логики, делать какие-то обобщения относительно восприятия риска, выходящие за пределы отдельного сообщества, проблематично в силу очевидного культурного и структурного многообразия. Эту трудность М. Дуглас предлагает решить с помощью конструирования особых *типов* культур, организационных форм, каждой из которых соответствует *особое восприятие* рисков.

Третий параграф посвящен характеристике исследовательского инструмента «разметки» (**grid**) и «группы» (**group**), который позволяет выделить определенные «жизнеспособные» типы «социального контекста»⁵⁴, в рамках которых доминируют специфические представления о риске, проявляющиеся в особенностях восприятия тех или иных рисков.

«Разметка» и «группа» характеризуют специфику взаимодействия между людьми и доминирующую форму контроля внутри некоторого сообщества. Измерение «группы» связано со степенью принуждения, оказываемого на индивида со стороны группы, а также с обязательствами индивида перед группой и степенью привязанности индивида к ней. Речь идет о членстве, а также о наличии границы между сообществом и его окружением. Измерение «разметки» (**grid**) связано со степенью разработанности системы классификации,

⁵³ См., например: *Douglas M. Implicit Meanings: Essays in Anthropology*. Routledge & Kegan Paul, London, 1975. P. 239; *Дуглас М. Чистота и опасность: анализ представлений об осквернении и табу*. М.: КАНОН-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000. С. 157.

⁵⁴ Идея «разметки» и «группы» прорабатывалась, в частности, в следующих работах: *Douglas M. Natural Symbols. Explorations in Cosmology*. Harmondsworth: Penguin Books, 1973; *Douglas M. Cultural Bias*. London: Royal Anthropological Institute, 1978; *Douglas M. Introduction to Grid/Group Analysis // Essays in the Sociology of Perception* / Ed. by M. Douglas. Routledge & Kegan Paul, London, 1982; *Douglas M. In the Active Voice*. Routledge & Kegan Paul, London, 1982.

символической системы, проясненностью социальных категорий (социальных статусов, к примеру). Также это измерение характеризует степень регуляции внутри сообщества.

Любое сообщество может быть расположено в системе координат «разметки» и «группы» (изначально речь шла о дописьменных локальных сообществах, но М. Дуглас не исключала возможность использования инструментария и для современных сообществ). В предельном случае «низкие» значения по «группе» свидетельствуют об отсутствии обязательств перед сообществом, слабом принуждении со стороны других индивидов, отсутствии жесткой границы между сообществом и «внешним миром», а «высокие», напротив, соответствуют полной подчиненности индивидов сообществу, жестким отделением сообщества от внешнего мира, наличием явных обязательств индивида по отношению к другим членам группы. «Низкие» значения по измерению «разметка» означают, что сообщество имеет слабо разработанную систему классификации, символическую систему, а социальные категории недостаточно прояснены, что в частности выражается в отсутствии разработанной системы социальных статусов, тогда как «высокая» «разметка», напротив, характеризуется большой регламентированностью поведения субъектов, четким распределением ролей при разработанности структуры социальных статусов и символической системы. Пересечение двух измерений приводит к выделению четырех «социальных типов», «социальных контекстов» или «культур»: индивидуалистическая, фаталистическая, иерархическая и сектантская культуры. Эти четыре типа стабильны. *Они генерируют отличительные космологии, взгляды на мир, которые, в свою очередь, поддерживают их стабильность.* Различные представления (например, о физическом теле, о грехе и дурных поступках, о зле и несправедливости, об успехе) могут быть рассмотрены как элементы указанных космологий, *особое место в которых занимают представления о риске.* Здесь уместно заметить, что на четыре типа культур, обозначаемых М. Дуглас, ссылаются практически все исследователи, область интересов которых связана с социальными детерминантами восприятия риска. Между тем тот факт, что эти типы культур получены в системе координат «разметка» / «группа» по измерению низкий / высокий уровень, в работах отечественных исследователей практически игнорируется. Это обстоятельство затрудняет операционализацию понятий и последующую интерпретацию данных эмпирических исследований. Соискатель считает целесообразным представить аналитическую схему в отличие от цитируемого в большинстве работ перечня (схема 1).

Измерения «разметки» и «группы» и типы «социальных контекстов» (культур) с краткой характеристикой⁵⁵

		«Группа»	
		Низкая	Высокая
«Разметка»	Высокая	<p align="center"><i>Атомизированное подчинение / Фаталистическая культура</i></p> <p>Индивидуальное поведение жестко предписано. Представители этого типа вынуждены делать то, что им говорят. Они не имеют возможностей повлиять на ход событий ни в качестве личностей, ни как члены некоторой группы.</p>	<p align="center"><i>Иерархия / Кастовый тип</i></p> <p>Система прав и обязанностей предоставляет каждому индивиду полную идентичность, предписывает, как ему вести себя в той или иной ситуации. Представители этого типа могут самореализоваться посредством исполнения заданных статусов и ролей.</p>
	Низкая	<p align="center"><i>Индивидуалистическая культура / Предпринимательская культура</i></p> <p>Индивиды имеют достаточную свободу при заключении соглашений и выборе союзников и врагов. Люди соперничают за ресурсы и последователей. Будущее зависит от индивидуальных усилий и принятых решений.</p>	<p align="center"><i>Фракционный тип / Сектантский тип / Эгалитаристская культура</i></p> <p>Индивид как часть группы, которая противопоставляется всему обществу и «злему» миру в целом. Люди призваны добровольно служить групповым целям. Осуждение неравенства и иерархий.</p>

В четвертом параграфе рассматриваются представления о риске, которые генерируются в рамках каждой «культуры»⁵⁶. *Иерархическая культура* характеризуется преувеличенным страхом перед процессами или явлениями, которые потенциально угрожают существующему социальному порядку: это могут быть как внутренние (нарушение закона), так и внешние (война) угрозы. Кроме того, восприятие риска в этой культуре находится под серьезным воздействием со стороны традиций, а также органов, призванных решать те или иные проблемы, причем правильность решений определяется занимаемой позицией. Главным инструментом управления риском являются правила и инструкции. В связи с этим акцент делается на краткосрочных и хорошо известных долгосрочных рисках. Для представителей *индивидуалистической культуры* риск, прежде всего, связан с индивидуальным решением (и возможностями) и ответственностью. Господствует представление о том, что рынок, в конечном счете, все расставит по своим местам. Прежде всего, для данной культуры характерен страх перед потерей собственных ресурсов, что приведет к невозможности независимой игры на рынке. Кроме того, чрезвычайно значимыми представляются угрозы системе взаимодействия сравнительно автономных индивидов. В центре *сектантской* или *эгалитаристской культуры* – представление о глобальной, неотвратимой угрозе, которая неизбежно произойдет в будущем. Такое убеждение функционально, с одной стороны, в смысле поддержки

⁵⁵ Источник: *Douglas M. Introduction to Grid/Group Analysis // Essays in the Sociology of Perception. Routledge & Kegan Paul, London, 1982. P.4.* С изменениями и дополнениями.

⁵⁶ Изложение основано, прежде всего, на работе М.Дуглас и А.Вилдавски «Риск и культура» (*Douglas M., Wildavsky A. Risk and Culture: An Essay on the Selection of Technological and Environmental Dangers. Berkeley and Los Angeles: Univ. of California Press, 1982*).

существования самого сектантского социального контекста, так как является злом, заставляющим людей взаимодействовать и полностью участвовать в работе сообщества, а с другой – в смысле подчеркивания границы между сообществом и внешним миром. Именно в рамках этой культуры делается акцент на негативных последствиях современных технологий, поскольку именно они символизируют социальные различия, разделение труда, благосостояние. Кроме того, именно технологии загрязняют природу, соответственно, проблема загрязнения окружающей среды для представителей сектантской культуры выходит на первый план. Для *фаталистической культуры* свойственно восприятие только краткосрочных рисков. То, что произойдет в будущем – не является результатом выбора. Жизнь представляется лотереей: кому-то повезет больше, а кому-то меньше.

Главной целью подобных описаний «портфелей рисков» можно считать демонстрацию существования *различных рациональностей* и их истоков. Каждой культуре соответствует своя рациональность – и принципиально невозможен «объективный» взгляд на окружающие субъекта риски.

В **пятом параграфе** дается анализ дальнейшего развития концепции М. Дуглас, который связан с именами М. Томпсона и А. Вилдавски⁵⁷. Именно их следует рассматривать как подлинных создателей «теории социокультурной жизнеспособности» (“**Cultural Theory**”). Сохранив первоначальную идею о том, что уровень представлений и убеждений («культурное смещение») функционально связан с социальным контекстом (типом социальных отношений, описываемых измерениями «разметки» и «группы»), они вводят понятие *образа жизни*, который понимается как жизнеспособная комбинация «социальных отношений» и «культурного смещения». Помимо этого, вводится ряд дополнительных положений. Прежде всего, допущение о *необходимом разнообразии*, согласно которому в любом жизнеспособном сообществе одновременно сосуществуют не менее пяти моделей образов жизни. Кроме того, между моделями образов жизни происходит постоянная *конкуренция* за своих сторонников, которая выражается в переходе людей от одного типа к другому, что обуславливает социальное изменение. В свою очередь, индивиды меняют образ жизни в результате кумулятивного роста несоответствий между ожиданиями (вызванными образом жизни) и реальностью.

Между тем, как показано в диссертационном исследовании, внесение изменений в исходную функционалистскую аргументацию, в частности, привнесение динамического аспекта, практически *не отразилось на концептуализации восприятия риска в рамках этого подхода*. В целом, воспроизводится в сокращенном виде характеристика

⁵⁷ *Thompson M., Ellis R., Wildavsky A. Cultural Theory. Boulder, Colorado: Westview, 1990.*

«портфелей рисков», предложенная М. Дуглас и А. Вилдавски еще в «Риске и культуре»⁵⁸. Иными словами, если рассматривать потенциал «теории» для объяснения восприятия риска, то она на этом этапе по-прежнему оказывается своего рода «интересной философией», хотя и с некоторыми элементами «аналитической схемы»⁵⁹. Далее в диссертации показано, что современный этап развития подхода характеризуется позитивной с точки зрения социологии тенденцией, связанной с попытками исследователей *эмпирически проверить* «теорию социокультурной жизнеспособности», в том числе и оценить ее способность делать значимые предсказания о специфике восприятия риска различными субъектами.

В **шестом параграфе** обосновывается предложенная соискателем классификация способов операционализации «теории социокультурной жизнеспособности» (способов идентификации «культуры», к которой индивид принадлежит). Классификация осуществляется по двум основаниям: во-первых, способы делятся по тому, осуществляется ли это определение на основании «социального контекста» или «культурного смещения» (убеждений, космологий); во-вторых, привлекаются ли для этого «объективные» (например, результаты наблюдения) или «субъективные» (например, результаты опросов) данные. В результате анализа примеров реализации указанных способов операционализации «теории» сделан вывод о том, что чаще всего используется способ, согласно которому тип «культуры» определяется по разделяемым субъектом убеждениям, сведения о которых получены в результате опроса. *Измеренная таким образом принадлежность к «культуре», как правило, слабо коррелирует с суждениями индивида о риске.* Более продуктивным представляется обращение к другому способу операционализации, согласно которому принадлежность к «культуре» должна определяться на основании изучения объективных показателей социального контекста⁶⁰.

В работе обосновывается вывод о существовании «смягченной» версии «теории», согласно которой *убеждения о риске (и другие разделяемые убеждения) интерпретируются как часть системы более общих, фундаментальных представлений субъектов (мировоззрения, космологии).* В этой версии «теории социокультурной жизнеспособности» отсутствуют элементы функционализма, однако ее центральную идею предположительно можно рассматривать как социологическую.

⁵⁸ См., например: *Thompson M., Ellis R., Wildavsky A. Cultural Theory. Boulder, Colorado: Westview, 1990. P. 63.*

⁵⁹ Если использовать термины Дж.Тернера (*Тернер Дж. Аналитическое теоретизирование // Теория общества: фундаментальные проблемы / Под ред. А.Ф.Филиппова. М.: Канон-Пресс-Ц Кучково Поле, 1999. С. 112-113.*)

⁶⁰ Практически единственным, но не до конца реализованным образом такого исследования является работа С.Райнера и Дж.Гросса (*Gross J.L., Rayner S. Measuring Culture: A Paradigm for the Analysis of Social Organization. New York: Columbia University Press, 1985.*)

В **седьмом параграфе** подводятся итоги второй главы. В частности, формулируется перечень ключевых проблем, с которыми сталкивается «теория социокультурной жизнеспособности». Речь идет о проблеме полноты (насколько исчерпывающим является перечень выделяемых типов «культур»), всеобщности (*любое* ли разделяемое представление и убеждение связано с социальным контекстом), космологии (является ли космология простой суммой разделяемых убеждений), постоянства (насколько жестко связан индивид и тип социального контекста), а также проблема операционализации.

Решение этих проблем, по мнению соискателя, связано с более полным использованием потенциала социологии.

В **заключении** подводятся итоги работы в целом: обобщаются выводы по каждой из глав диссертационного исследования.

Основным результатом проведенного исследования стала демонстрация и систематизация вклада социологии в междисциплинарный проект по исследованию риска – в той его части, которая касается восприятия риска. Вклад связан с применением характерных для социологии моделей объяснения, специфической социологической методологии, позволяющей сделать акцент на определенных аспектах изучаемого объекта. Так, принятие социологической точки зрения позволило в рамках рассмотренных подходов (прежде всего, «психометрической парадигмы», исследований восприятия повседневных рисков, подхода, основанного на представлении о «режиме власти», «теории социокультурной жизнеспособности») обратить внимание на то, что риск является не только продуктом физического окружения субъекта, а его восприятие – отражением некоторых объективных характеристик риска. Риск – это социальный конструкт, для описания и объяснения которого следует учитывать субъективное измерение, предшествующий опыт индивида и социальных групп, социально-структурный контекст, специфику господствующего дискурса и пр. В диссертационном исследовании показано, что исследователи-рискологи часто используют в своих подходах к изучению восприятия риска социологическую аргументацию, хотя не всегда явным образом. В связи с этим можно констатировать, что *«социология риска», будучи развивающейся отраслевой социологической дисциплиной, имеет фундамент, заложенный, в частности, в рассмотренных подходах к концептуализации восприятия риска.* Более того, эти подходы демонстрируют продуктивность применения социологической методологии для изучения восприятия риска. К примеру, развитие «психометрической парадигмы» происходило во многом благодаря привлечению социологических моделей объяснения, методологии и терминологии. Позитивный вклад социологии в область исследования восприятия риска, а также наличие нерешенных

проблем, позволяет предположить, что потенциал социологии в области исследования восприятия риска не исчерпан. Поскольку изучение восприятия риска – это лишь отдельная рубрика рискологических исследований, то проведенная работа позволяет надеяться, что социология обогатит и междисциплинарный проект по исследованию риска в целом.

Диссертационное исследование также позволяет сделать выводы относительно возможного содержания «социологии риска». Прежде всего, существование в социологии ряда исследовательских программ накладывает отпечаток и на «социологию риска». В результате теоретические основы этой дисциплины включают в себя различные, иногда несовместимые друг с другом «теоретические ходы», модели объяснения, применяемые для исследования риска. Последние предлагается рассматривать как взаимодополняющие, как раскрывающие различные аспекты социального контекста, в котором создается и воспринимается риск.

Проведенная социологическая реконструкция также содержит предположения относительно того, в каких направлениях могут продвинуться социологические исследования восприятия риска. Объектом социологического анализа могут стать, к примеру, процесс взаимодействия между микро- и макроуровнем (в частности, вопрос о том, к каким макросоциальным последствиям может привести принятие той или иной модели восприятия риска действующим субъектом), связь между восприятием риска и демонстрируемым поведением, факторы, ограничивающие «произвольность» приписывания различным опасным объектам значений, причины доминирования определенного знания о риске / дискурса и др. В рассмотренных подходах эти темы затронуты, но детально не проанализированы. При этом предполагается, что в процессе анализа возможно следование некоторым уже существующим в рамках социологии теоретическим стратегиям, не примененным пока к проблемам риска.

В конечном счете, проведенное исследование является элементом профессионального самоопределения социологов. Оно демонстрирует, что социологи не только могут внести в будущем свой вклад в междисциплинарный проект по исследованию риска, но и уже сыграли значимую роль в формировании современного облика «рискологии».

Основные положения и выводы диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

1. *Гаврилов К.А.* О конструировании понятия «риск» в социологии // Социология: 4М. 2007. № 24. С. 60-80. (0,8 п.л.)
2. *Гаврилов К.А.* Социологический подход к анализу риска // Социологический журнал. 2007. № 3. С. 40-58. (1,4 п.л.)
3. *Гаврилов К.А.* Рискологические подходы в контексте социологических исследовательских программ // Социологические этюды: сборник статей аспирантов / Под общ. ред. М.К.Горшкова. М.: ООО «Вариант», Институт социологии РАН, 2006. С. 13-28. (1,2 п.л.)
4. *Гаврилов К.А.* Теоретико-методологические перспективы культурологического подхода в области социологического анализа риска // Тезисы докладов и выступлений на Всероссийском социологическом конгрессе «Глобализация и социальные изменения в современной России»: В 16 т. М.: Альфа-М, 2006. Т.1. С. 27-30. (0,2 п.л.)
5. *Гаврилов К.А.* Понятие «риск» в социологии: к вопросу о дефиниции // II Всероссийская научная конференция «Сорокинские чтения-2005. Будущее России: стратегии развития». 14-15 декабря 2005 г. <<http://lib.socio.msu.ru/v/library>> (0,2 п.л.)